

II. СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Проф. д-р филос. н., д-р полит. н. Петко Ганчев

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Болгария в Республике Беларусь

I. Европейский интеграционно-трансформационный процесс, как форма, уникальный первообраз глобальной интеграции цивилизационных общностей.

В соответствии с логикой развития отдельных государств и регионов и мирового исторического развития в отдельные эпохи - от древности до наших дней - Европа много раз была объектом и субъектом разных интеграционных проектов, которые до Второй мировой войны заканчивались неудачно. После катастрофы, которую пережили в этой войне /1939-1945 г./ европейские народы, представители духовной и политической элиты вырабатывают свой новый уникальный и великий проект об интеграции. Факторов, которые стимулируют этот процесс, очень много, и они разные, но на первом месте выступают осознанные причины того тяжелого катаклизма, который должны были пережить народы в этой войне, а также ситуация, которая установилась в системе международных отношений после войны. Одним из инициаторов этого практического процесса является, несомненно, большой британский и европейский политик Уинстон Черчилль. В своей известной речи 19 сентября 1946 года он заявляет: "Нам надо поднять несколько вещей как Объединенные европейские штаты. Во-первых, создать один Европейский совет. Чтобы успеть довести эту задачу до конца, Франция и Германия должны стать друзьями, Великобритания, Общность британских народов, США; и я искренно надеюсь - само собой разумеется, все должны стать друзьями и протекторами новой Европы..."

Нужно еще в начале подчеркнуть, что стремление к практической реализации новой политики, объединение народов Европы сопровождается интенсивной внутренней политикой по утверждению новой модели народного хозяйства, известной как правовое обоснование социального государства и социального рыночного хозяйства, а также как инструмент политики государственного управления экономикой, программированием и индикативным стратегическим планированием. Подчеркивание этого факта необходимо, чтобы стало понятно, что реальное осуществление наднациональной интеграции в масштабах непрерывно расширяющейся общности не было бы возможно, если бы не происходили перемены не только в новосозданных институтах этой общности, но и в самой системе национальных экономических, политических, социальных и других отношениях и национальных институтах.

Кроме указанных выше двух основных мотивов, для практической интеграции Европы нужно отметить и тот факт, что только объединенные европейские народы могли надеяться, что новый политический и экономический лидер демократического мира – США будет им помогать, а также, что только вместе они бы преуспели в восстановлении своих обществ и предостережении их от новых военных конфликтов. Только объединяя свои ресурсы и производственные мощности, народы Европы могли надеяться на экономический просперитет в новую глобальную эпоху. Только у объединившихся политически и военно, народы Европы были бы в состоянии противостоять успешно тоталитарной коммунистической опасности, которая возникла с холодной войной. Или, как писали в восьмидесятые годы В. Вайденфельд и В. Веселс, с уменьшением роли европейских государств после Второй мировой войны и установлением "биполярного мира" народы Европы были вынуждены прийти к интеграции, мотивируя свою политику:

1. Желанием нового Самопонимания, Самосознания. После националистических заблуждений Европа нуждалась в новой общности как альтернативе коммунизму с Востока.

2. Желанием Безопасности и Мира. Только объединившись, народы Европы могли надеяться на безопасность от коммунистической угрозы. Европа должна превратиться в общность мира.

3. Желанием Свободы и Мобильности. Это значит, что должно быть восстановлено свободное движение людей, товаров, капиталов, идей и информации.

4. Надежда хозяйственного Благополучия. Объединенная Европа должна вести людей к эпохе хозяйственной стабильности и процветания. Только Общий рынок мог повысить эффективность и интенсифицировать экономические связи.

5. Ожиданием всеобщей Силы. Европейские государства, которые до Первой мировой войны / 1914 г./ веками были доминирующими в мировой политике, окончательно теряют свою роль после Второй мировой войны. В сравнении с новыми лидерами мира - США и СССР - европейские государства только объединившись могли выступать как равноправные субъекты международных отношений.

Практическая реализация идеи о единстве Европы как уникальной общности народов и культур фактически начинается с Конгресса в Гааге – в мае 1948-го года. Именно тогда создается Совет Европы. На нем были представлены различные национальные объединения Европы, наднациональные объединения, а также такие известные политики, как Робер Шуман /Франция/, Алчиде де Гаспери /Италия/, Пол-Анри Спак /Бельгия/ и Конрад Аденауер /ФРГ/. Как раз это те четыре личности, которые вместе с Жаном Моне, являются реальными "отцами" европейской интеграции. Таким образом, рождается Европейское движение, которое является главным мотором практической исторической реализации идеи объединенной Европы. В "Политической декларации" заявляются политические и экономические заключения европейских государств в связи с ограничением национального суверенитета. В этой декларации ставится целью подготовка Европейской конституции, защита человеческих прав и основных свобод, а также создание Европейского суда и Европейского парламента.

Какие следующие ответы и практические шаги по реализации великой идеи об объединенной Европе? Факт, что изначально интеграция рассматривается как единство политических и экономических факторов. Война на Корейском полуострове, как и натиск США и Великобритании к перевооружению Федеральной Германии, которая уже успела создать основы своего экономического восхода, заставляют министра иностранных дел Франции Роберта Шумана 9 мая 1950 г. оповестить декларацию об объединении двух ключевых секторов французской и немецкой экономики - производство угля и стали - под руководством одного "Верховного органа". Автор этой декларации Жан Моне был определен первым председателем этого "Верховного органа" (июль 1952 года), когда вступил в силу договор между Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Голландией и Люксембургом об объединении производства и мощностей добычи угля и стали этих стран. Еще в Декларации Жана Моне обоснован наднациональный характер этой интеграции, которая осуществляется в отраслях со стратегическим и психологическим значением. Интеграция производства стали и угля гарантирует другую политику поддержки крупного капитала и другим поведением политиков двух государств и присоединившихся к ним остальных четырех.

Успехи ФРГ и Франции в послевоенном восстановлении, высокий экономический рост, а также экономический подъем в остальных странах –членах и первые положительные результаты этого объединения стимулируют шестерку к дальнейшему расширению экономического сотрудничества. Как прямое следствие высокой оценки интеграционного процесса - решение правительства шести стран- членов ЕОУС /Европейская общность угля и стали/ поручить бельгийскому премьер-министру Полу-Анри Спаку подготовить доклад с предложениями о расширении дальнейшего сотруд-

ничества. Таким образом, было дано начало новому этапу европейской интеграции. Шесть стран договорились расширять в дальнейшем свое сотрудничество посредством создания Общего рынка и согласованием Социальной политики. С подписанием Римских договоров в 1957 г. - договоров об Европейской общности, превратившейся в дальнейшем в Европейскую экономическую общность /ЕЭО/, и договоров об Европейской общности по атомной энергии/ ЕОАЭ/ создаются основные надгосударственные институты интеграции. Созданы Совет министров, Европейская комиссия, Европейский суд и Парламентарная Ассамблея. Было положено начало специфичной правовой наднациональной системе для регулирования отношения между странами - членами на разных уровнях.

Таким образом, мы можем сделать первый вывод практической реализации идей Европейского единства как уникального исторического движения, которое в большой степени задает тон в современных интеграционных и глобализационных процессах, что процессы наднациональной интеграции идут в единстве с внутренним и социальным развитием стран-членов, которое сопровождается процессами строительства и развития соответствующих надгосударственных институций.

Сразу нужно все-таки обосновать и второй кардинальный вывод практического развертывания процессов Европейской интеграции в соответствии с объективной логикой глобализации и потребностями европейских народов. Он следует из специфики образованных трех европейских общностей и способе функционирования европейских институций. К ЕОУС, ЕВРАТОМ и ЕЭО принадлежат в самом начале одни и те же 6 государств. Эти общности имеют аналогичную институциональную систему. Так, в трех существует Парламентарная система, Суд и Совет министров, а Верховный орган ЕОУС имеет подобную сущность с Комиссией ЕВРАТОМ-а и Комиссией ЕЭО. Но именно здесь проявляются и различия. Потому что по своим обхватам договоры ЕОУС-а и ЕВРАТОМ-а являются отраслевыми и регламентируются правовым образом подобно национальным законодательствам. Со своей стороны, в самом начале европейской интеграции, как уникальной исторической практики, видно, что здесь реализуется один комплексный, многолинейный подход, который не руководствуется каким-то заранее заданным образцом и не предлагает завершенную модель, а развертывается по степени зрелости достигнутых форм. В этом смысле ни "отцы" и создатели первых европейских общностей, ни позже принявшие эстафету европейской интеграции ведущие европейские политики могли быть обвинены в заранее заданных корыстных целях и формах интеграции европейских народов и государств. С самого начала эти процессы протекают демократично и в соответствии с консенсусными решениями.

Когда говорится, что Европейские общности являются примером добровольного союза с сознательным ограничением национального суверенитета, нужно иметь в виду, что есть одна проблема, которая и до сегодняшнего дня вносит напряжение при осуществлении процессов европейской интеграции. Это имперские рефлексы и национализм больших европейских государств, которые в качестве бывших колониальных империй и настоящих "Великих сил" задавали и задают тон в развитии мировых исторических процессов. Национализм присутствует в той или иной степени и в поведении маленьких европейских государств, которые опасаются за свою культурную идентичность по мере интеграции в систему европейских общностей. В большей степени это мотивы "особенного" поведения Великобритании на разных этапах европейской интеграции, происходящих прежде всего от ее геополитики и геостратегии более тесного союза с США. Другой особый комплекс факторов повлиял на поведение большинства бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы,⁶ некоторые из которых были выбраны новыми членами НАТО и ЕС во время кризиса, связанного с войной США против Ирака.

Общеввропейская интеграция 70-х и 80-х годов, включающая в систему Европейских общностей новые и новые страны, перешла через разные испытания, чье разрешение требовало как перемены в нормативно-правовой базе, так и институций Общности.

В конце 80-х годов отметили крах государственного социализма. Перед западноевропейскими странами возникли проблемы, которые требовали своего разрешения, чтобы успешно разворачивались в дальнейшем процессы интеграции.

Первым и главным вызовом была новая динамическая волна глобализации, в которую были вовлечены все страны и народы, несмотря на степень их экономического, социального и технологического развития. На мировую историю воздействовали качественно новые факторы, которые ставили народы перед необходимостью быстро осуществлять свою экономическую, технологическую, информационную и управленскую модернизацию. Началась быстрая интернационализация производственных процессов. Мир превратился в огромную кооперацию нового разделения труда. Возникли мировые денежные и капиталовые рынки. Все это неимоверно обострило конкуренцию между основными экономическими и политическими центрами в мире – США, ЕС, Японией и вообще странами Азиатско-тихоокеанского региона – Китаем, Южной Кореей, Тайванем, Сингапуром, Малайзией и т.д. В этой ситуации, чтобы выдержать конкуренцию и сохраниться в будущем как зона процветания, Европейский союз должен осуществлять радикальные внутренние реформы, которые повысили бы эффективность его экономики и целостной политики. Необходимо, чтобы он был в состоянии расширять свое пространство, интегрируя на ходу новые природные и человеческие ресурсы.

Второй вызов состоялся в радикально переменившейся европейской архитектуре после конца холодной войны. Противостояние в первые годы после Второй мировой войны с так называемым социалистическим лагерем, которое в некоторой степени стимулировало западноевропейскую интеграцию, ушло в историю, и западноевропейские народы и государства встали перед государствами и народами Центральной и Восточной Европы, которые объявили свое желание интегрироваться с ними. В этой новой ситуации нужно было искать новую мотивацию, чтобы процессы европейской интеграции продолжались. Это во-первых. Во-вторых, нужно было, чтобы началась организация и модернизация на основе принципов рынка и либеральной представительной демократии стран Центральной и Восточной Европы. В-третьих, нужны были новые подходы в развитии отношений с новой Россией. Именно в этом пункте почувствовался острый дефицит во внешней политике стран Европейской экономической общности.

Третий вызов возник в связи с нарушением баланса центральной оси “Франция - Федеральная Германия” после объединения двух германских государств в 1991 году. До этого времени во Франции и Германии жило меньше 40% населения Европейского союза, но именно оно производило больше 50% продукции Союза, а больше половины валютных резервов в ЭКЮ формировалось на основе французского франка и немецкой марки. После 1991 г. соотношение уже было в пользу Германии. В этой ситуации Германия должна была проводить жесткую валютную и бюджетную политику, чтобы сохранились балансы Общности. Но несмотря на успехи в этом направлении, и Германия, и Франция не смогли в последующие годы спастись от нарастающей безработицы, которая стала одним из слабых пунктов Европейского союза в его конкурентной борьбе с остальными мощными экономическими центрами в мире.

Четвертый вызов был связан с начатым “пятым” расширением Европейского союза на Восток с рядом бывших социалистических стран - Чехией, Польшей, Венгрией, Словакией, Словенией, Эстонией, Литвой и Латвией, а за ними следовали Болгария и Румыния. Несмотря на то, что некоторые из этих государств имели относительно высокий уровень жизни, они оставались далеко на среднем уровне развития большинст-

ва стран Европейского союза. Их интеграция в экономическую, социальную и политическую систему Европейского союза означала новые трудности в финансовой сфере: необходимо было поднять их уровень жизни до уровня остальных стран Союза. Этот процесс сопровождался и временным ослаблением конкурентоспособности европейского производства и системы услуг. Существовала опасность, что после присоединения новых стран вырастет безработица в развитых странах Союза как следствие притока квалифицированной, но низко оплачиваемой рабочей силы. К счастью, эти опасения не оправдались.

Чтобы справиться с этими вызовами, в 90-ые годы страны-члены Европейской Общности подготовили и подписали Маастрихтский /1991-1993 г./ и Амстердамский договор /1997 г./, которые были положены в основу трансформирования Общности как системы разных общностей в едином Европейском Союзе. Таким образом, опираясь на основные стратегические столбы единства и развития стран Европейского союза, осуществлялся переход к новому качеству их цивилизационного единства. Так были подготовлены основные моменты интегрирования относительно гомогенной части западноевропейских стран с развивавшимися в другой культурной и идеологической координате последние полвека страны Центральной и Восточной Европы.

Маастрихтский договор выдвинул пять основных целей:

- после построения единого рынка нужно решительно создавать экономический и валютный союз;
- придать экономической интеграции социальные измерения на базе общей социальной политики;
- преобразовать Европейскую экономическую общность в Европейскую общность, расширяя ее компетенции новыми сферами деятельности;
- дополнить наднациональное интеграционное строительство в рамках институций Общности /"первый столб"/, с постоянным сотрудничеством в области внешней политики и безопасности /"второй столб"/ и в области права и внутренних делах /"третий столб"/;
- объединить все три "столба" в одну целостную систему Европейского союза.

В свою очередь Амстердамский договор установил:

первое - неоспоримое требование стран-членов - соблюдать фундаментальные права человека, развивать эффективные правовые системы и предотвращать какие бы то ни было формы дискриминации;

второе - Амстердамский договор осуществил реальный шаг к преодолению "демократического дефицита" в рамках ЕС;

третье - Европейский союз объявляет, что он - "пространство свободы, справедливости и безопасности";

четвертое - Амстердамский договор утверждает принципы субсидиарности /автономности, самоуправления/, заложенные в предшествующих документах каждого государства и соответствующих им суб/наднациональных образованиях;

пятое - с этим договором укрепляются права Союза по защите окружающей среды, здравоохранения, защита прав потребителей, сотрудничество судебных органов по гражданским делам, борьба с коррупцией в международном масштабе и т.д. Включаются новые главы по вопросам занятости и социальной политики, а также сотрудничества в области правосудия и внутренних работ. Создается пост комиссара по вопросам общей внешней политики и политики безопасности. В 1999 году на этот пост был назначен бывший генеральный секретарь НАТО Ксавьер Солана.

Следующие этапы усовершенствования институциональной нормативно-правовой базы Европейского союза проходят через Ниццу, Лаакен и т.д. и связаны с поиском

баланса участия Европейской комиссии и Европейского парламента отдельных стран-членов, а так же и основные принципы Договора Конституции Европейского союза.

Таким образом, начатая в конце 40-х годов XX века европейская интеграция набирает силы и развертывается в конце XX-го века и начале XXI века. Логика этого процесса естественно начинается от основной сферы этой "материальной цивилизации", как назвал европейский капитализм видный французский философ истории и экономист Фернан Бродель, и переходит через формы политической и социальной организации и включает ее ценностно-культурные измерения и многообразия.

2. Трансформационный процесс в восточно-европейских странах – общее, специфическое и частное – трансформация и адаптация.

Трансформационный процесс во всех восточно-европейских странах начался поздней осенью 1989 года, когда одним за другим, по эффекту домино, разрушились тоталитарные коммунистические режимы и на политическую сцену в различных конфигурациях вышли оппозиционные демократические силы. Этот процесс сопровождался не только установлением политического плюрализма в отдельных государствах, но и ликвидацией бывших наднациональных институций, связывающих бывшие социалистические страны в единую экономическую /Совет экономической взаимопомощи/ и военно-политическую систему /Варшавский договор/. Финал этого процесса произошел в декабре 1991 года, когда распался официально СССР и на его месте появились как самостоятельные государства бывшие советские республики.

Нужно подчеркнуть, что именно в начале 90-х годов, положивших начало трансформационному процессу строительства демократической политической системы и рыночной экономики в бывших социалистических странах, оказавшихся неожиданно свободными в океане быстро меняющихся международных отношений, начался поиск верного курса развития этих обществ. У этого курса были два основных момента: первый: как, каким образом и с каким темпом должны протекать демократические и рыночные реформы, и второй: в какие новые международные экономические и политические структуры должны интегрироваться эти государства, чтобы быть в состоянии решать эффективно свои экономические и социальные проблемы и гарантировать свою безопасность. И здесь проявились первые различия между государствами из восточной Европы и бывшего Советского Союза, с одной стороны, и между самими бывшими советскими республиками, с другой. Они прежде всего сводились к готовности бывших социалистических стран из Восточной Европы идти на интеграцию с Европейским союзом и НАТО. В то же время основное ядро стран из бывшего Советского Союза, организованные вокруг хилой структуры Союза независимых государств /СНГ/, предпринимали усилия развернуть масштабы своего сотрудничества и развить в новых условиях интеграционные процессы между собой. Вместе с тем, ряд периферийных стран бывшего Советского Союза - Литва, Латвия, Эстония и Грузия - предприняли курс к интеграции с ЕС и НАТО. Учитывая стратегическую геополитическую позицию, балтийские страны были стимулированы в этом движении. Таким образом, наметились две группы государств из разорванной системы бывшего социалистического лагеря, которые начали с начала 90-х годов движение в разные стороны, следуя разным геополитическим стратегиям.

Для нашего дальнейшего анализа представляет интерес раскрытие общих и специфических черт группы бывших социалистических стран из Восточной Европы, которые ориентировались стратегически на экономическую и социально-политическую интеграцию в ЕС и военно-политическую интеграцию в НАТО. К этой группе стран присоединилась после незначительных колебаний и Болгария. Общее между всеми этими странами было то, что они находились на близком уровне экономического и социального развития и представляли самые развитые части бывшего социалистического лагеря; у них был высокий процент государственной собственности в промыш-

ленности и тесные связи с бывшим Советским Союзом; преобладающая часть управленческого аппарата в хозяйственной, административной, культурной и других сферах общественной жизни этих стран принадлежала к коммунистической номенклатуре. Нужно еще отметить, что на начальном этапе этого перехода-трансформации новая, т.н. демократическая элита колебалась в выборе методов и средств для эффективной приватизации и установления рыночной экономики. Колебания были прежде всего между быстрой, "шоковой" либерализацией и медленным введением принципов социального рыночного хозяйства, которое требовало соответствующей регулирующей роли государства, с одной стороны, а с другой, введение свободного рыночного хозяйства с минимальной ролью государства, состоящей из контролирования денежной массы, в соответствии с принципами крайнего либерализма, т.наз. рыночного фундаментализма Чикагской школы Милтона Фридмена.

Вместе с этими общими моментами, объединяющими часть бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и определяющими в большой степени их стратегическую ориентацию в НАТО и ЕС, в них еще вначале наблюдались и существенные различия, которые следовали из их исторического развития и из их национальной и культурной идентичности, определяющей их присутствие в прежней системе. Здесь нужно еще отметить наличие или отсутствие реальной демократичной оппозиции, как внутри конкретной страны, так и вне ее, до начала перехода.

Таким образом, если систематизировать эти различия, которые определяли специфику одной группы этих стран по отношению к другой, получается новое разделение бывших социалистических стран на две группы, хотя и не равноправных по количеству держав в одной или другой группе. Само собой разумеется, что сами страны, которые включались по тем или иным признакам в одну или другую группу, тоже различались. Так, к первой группе стран с самыми высокими показателями экономического развития и успешно проведенной демократизацией и приватизацией, были определены Чехия, Венгрия, Польша и Словения. Первые три были и т.наз. "отличники" из "Вишеградской тройки", на которые начали равняться остальные. Впоследствии к ним по тем или иным геополитическим соображениям были прибавлены Словакия, Литва, Латвия и Эстония. Все эти государства принадлежали к ареалу католической Европы, и все они, в разной степени, имели в прошлом потрясения в своих отношениях с Советском Союзом, а также имели мощную внутреннюю оппозицию управляющим коммунистическим партиям больших групп диссидентов вне этих стран.

Вторая группа, которая принадлежала к пространствам Европы, где доминировало в прошлом восточное православие, не могла похвастаться какой-нибудь серьезной демократической оппозицией. Здесь оппозиция проявлялась в рядах самих коммунистических партий. Эти страны, интегрировавшие в разных объемах принципы и ценности европейской культуры и являясь по сути своей идентичности европейскими, тоже различались между собой по степени своей готовности интегрировать в систему НАТО и ЕС. Здесь "отличники", которые по многим показателям могли бы равняться "аутсайдерам" первой группы, стали Болгария и Румыния. В свою очередь к "аутсайдерам" в этой группе относятся такие страны, как Хорватия, Македония, Сербия, Черногория и Албания. Турция - совершенно другой случай, потому что она отличается своей цивилизационной идентичностью по отношению к христианской Европе.

3. Трансформационный процесс болгарского общества и государства в процессах европейской интеграции.

С первого января 2007 года Болгария является полноправным членом Европейского союза. Как сегодня, так и несколько месяцев назад мы вполне определенно могли говорить, что, перед тем как начать свои экономические, социально-политические, культурные, военные реформы для интеграции в ЕС и НАТО, Болгария пережила

двенадцать лет самоцельных реформ без какой-нибудь ясной стратегии, без объединяющей национальной идеи, в условиях жестокой конфронтации на всех уровнях общества. Все это привело к невероятным социально-экономическим срывам и уменьшению способности нации бороться в новых условиях политического плюрализма и рыночной экономики.

Главная ответственность за то состояние Болгарии несет современная политическая элита страны, которая не выстрадала предстоящий переход. В самом начале практических трансформаций после идеологии "перестройки" она стала жертвой некомпетентности и следования догме американского неоконсерватизма и поспешила сначала переменить политическую систему. Как результат, были разбиты устои государственности, при том не предлагая ничего взамен. Таким образом, государство оказалось в стихии хаоса и по существу вернулось в объятия старого капитализма XIX и начала XX века.

Болгарская политическая элита с начала 90-х годов XX –го века заплатила очень высокую цену за счет народа и возможностей Болгарии за свои идеологические мифы. Один из них сводился к убеждению, что модерный капитализм с развитой рыночной экономикой можно строить только по пути быстрой приватизации, при том на всех мощностях, несмотря на то, работают ли предприятия или нет; а также дают ли приватизаторы нужную цену и принимают ли на себя обязательства по инвестициям или всего-навсего хотят ликвидировать эти мощности, продавая их как отходы металла. Как результат, были созданы множества приватизационных фондов-пирамид, которые обеспечили быстрые прибыли своим новым собственникам. Были созданы т.наз. РМО /Рабоче-менеджерские общества/, выкуплены за гроши от предприимчивых родственников и друзей управляющих данного РМО. И не в последнюю очередь, прибыльные компании были проданы за гроши сомнительным международным предпринимателям. Здесь не нужно перечислять все те ведущие болгарские компании, которые были таким образом ликвидированы за счет толстых комиссионных управляющих до начала 2001 г.

Если нужно сформулировать коротко главную цель, которую преследовала Болгария идя на интеграцию с системой Европейского союза, то она несомненно выражается в модернизации экономической, политической, социальной, культурно-информационной, образовательно-научной и всех других политик, связанных с полноценным и равноправным участием страны в этом исторически уникальном союзе как условие благоденствия, процветания и безопасности в условиях нарастающих глобальных вызовов и угроз.

Как первое необходимое условие для реализации этой цели, нужно выработать обоснованную и ясную стратегию для развития всего общества, которая бы учитывала культурные, политические и хозяйственные традиции в ведущих идеях и практике современного общественного развития, которая своей реализацией могла бы адекватно включить страну в систему международных отношений в условиях конкретной геополитической ситуации. На втором месте в этой стратегии нужно, чтобы верно были очерчены приоритеты в развитии национальной экономики, которые могли бы вытянуть всю экономическую систему вперед. Третье главное условие динамизирования национальной экономики связано с потребностью модернизации технологических мощностей с помощью инвестиций в оборудование и рационализирования управления персонала и качества, чтобы все это вместе вело к экономии материалов, энергии и времени. Только эффективная, интеллигентная, основанная на наукоемких инновациях и технологиях, экономика в состоянии функционировать экологосообразно и обеспечивать устойчивое развитие общества. Четвертое: в условиях трансформации экономика должна расширять экспорт и открываться постепенно, но решительно. Иначе она бы застряла в кризисах или бы разрушилась как система. И пятое, не по-

следнее: если хочешь успеть в процессе своей модернизации успешно включиться в глобальные и региональные экономические сети общества, которое начинает свою трансформацию, нужно воспользоваться своей геополитической позицией и соотношением сил в глобальной и региональной геополитической ситуации. Блестящим примером для такой успешной национальной стратегии догоняющего и модернизирующего развития дали нам Япония после Второй мировой войны и остальные "азиатские тигры" в 70-тые годы, и Финляндия, и Ирландия в 80-тые годы, а также конечно Китай в 80-тые и 90-тые годы прошлого века.

Если посмотрим критически на развитие Болгарии до наших дней, где в большей степени заложены причины нашего отставания от других бывших социалистических стран Центральной Европы, с которыми мы до конца 80-ых годов имели близкие показатели развития, нужно подчеркнуть, что не всякую либерализацию экономики, не всякую приватизацию вообще и не всякую финансовую стабилизацию представляют "переход" и успешная трансформация к действительно современным формам производства и общественной жизни. То, что было объявлено в Болгарии до 2001 года как реформы, я не рекомендую никакой другой стране.

Сегодня перспективы Болгарии действительно связаны "на жизнь и на смерть" с возможностями и перспективами европейской интеграции. Если европейская экономическая система имеет необходимую гравитационную силу, которая в состоянии вытянуть Болгарию из зоны и структуры "серой экономики", созданной старой коммунистической номенклатурой и новой "демократурой", то процесс реализации ее целей состоится. Перспективы Болгарии для подъема быстро вырастут, если ЕС, стремящийся к новому проекту интеграции, сумеет преодолеть свои склонности к протекционизму и создаст условия для ее многостороннего интегрирования в свою систему.

Как и для каждого общества, так и для Болгарии в историческом процессе принимают участие три группы факторов. Первая - эта окружающая международная среда, влияние и воздействие тех или других государств, союзов государств, международных организации, тенденции развития экономических, политических, социальных и других процессов на глобальном и региональном уровне. Вторая - это состояние самой природной окружающей среды, тенденции ее развития, наличие или отсутствие тех или иных природных ресурсов, расположение в региональном и глобальном пространстве. И третья группа факторов - это не только количество и качество населения этой страны, культурная идентичность и принадлежность к той или иной группе цивилизационных ареалов, но также и зрелость/ незрелость и ответственность политической элиты и ее способность вести свою страну в фарватере глобальных изменений и отстаивать национальные интересы.

Таким образом, европейское будущее Болгарии будет определяться политикой ЕС и политикой самой Болгарии, а также изменениями в международной и окружающей природной среде.

Здесь я не буду анализировать политические документы, программы и стратегии правительства Болгарии или все Договора Европейского союза. Последние известны. А каждая страна разрабатывает свои программы политики и стратегии, в которых она воплощает свое видение на управление и формирование будущего. Но вместе с теми позитивными программами нужно отметить и те конкретные тяжелые проблемы, которые стоят на пути Болгарии, которые являются наследством прошлого и которые тормозят ее движение вперед.

Во-первых, это сложившийся конгломерат срастания политики и экономики с преступностью в первые годы рыночной трансформации экономики и демократических реформ в начале 90-х годов. Проблема коррупции стала одной из тяжелых проблем

болгарского общества в условиях трансформации. Этой болезни подвержены прежде всего органы правосудия и правопорядка, как раз те органы, которые должны обеспечивать законность общества, порядок и справедливость. В этом направлении нужно отметить, что административный аппарат Болгарии еще не научился работать эффективно с новыми техническими средствами и технологиями при обслуживании населения.

Второй тяжелой проблемой, с которой Болгария должна справиться в ближайшие годы, является быстро нарастающая часть цыганского населения и приобщение его к болгарской и европейской культурной модели. Известно, что в прежнюю эпоху по некоторым показателям это население было интегрировано в общественную систему, но так как оно было преимущественно малограмотное и не имело собственности после начала приватизации и перехода к рыночным принципам хозяйствования, оно очень быстро оказалось в армии безработных. Здесь сказывались прежде всего очень низкие квалификация и образование этих людей. В новых условиях они начали пополнять также и армию безграмотных. К сожалению, созданная система социальной помощи вообще не стимулировала ни стремление к образованию, ни к повышению квалификации, ни даже к работе. Правда, в 2003 г. правительство привело к исполнению Новую социальную стратегию "От помощи к трудовой занятости", которая, хотя и привела к уменьшению числа безработных, но не успела задействовать нужные для стремления к образованию и высокой квалификации мотивы. Это, к сожалению, проблема не только Болгарии, но, как видно из произошедших в 2005 году во Франции и других странах ЕС выступлений мигрантов из африканских и азиатских стран, тяжелая проблема всей Европы. Она будет усугубляться с каждым годом с нарастающим потоком беженцев из Азии и Африки, исповедующих другие культурные и цивилизационные модели.

Третья тяжелая проблема связана с использованием запущенных сельскохозяйственных земель, которые, по неофициальным данным, превышают 1/3 всей обрабатываемой площади - где-то около 250 тыс. га. В условиях непрерывно повышающихся цен на основные продукты питания оставлять необработанным такое количество земель является преступлением против своего народа, да и против человечества. Видно, что слабые кооперативы не в состоянии справиться с этой проблемой. Наверно придется создать по примеру Франции (она это сделала после Второй мировой войны) Государственный фонд/Центр для восстановления свободных или запущенных земель, которые после восстановления будут предлагаться отдельным фермерам, кооперативам или аграрным обществам, которые бы занялись их эксплуатацией.

Четвертая проблема, которая в некотором смысле оказывает воздействие на решение всех тяжелых проблем Болгарии, - это полученное и углубившееся в девяностых годах отставание от развитых стран. Причин для этого отставания очень много, и здесь нет места анализу их всех. Но здесь можно только подчеркнуть, что как Болгария, так все отстающие страны должны выработать эффективные комплексные модели догоняющего развития, которые бы опирались на национальные традиции каждой страны, интегрировались полноценно в мировую систему, учитывали опыт развитых стран, применяли передовые технологии и повышали качество образования и качество жизни своего народа. Вместе с тем нельзя следовать ничьему чужому опыту, чужой модели, а нужно искать свой путь, свою модель. Опыт всех преуспевающих стран уникален, неповторим. Если были бы универсальные рецепты для успеха, не было бы столько бедных стран и народов.